

С. В. САВИНКОВ

ГЕРОЙ И ПРОБЛЕМА ГЕРОИЗАЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (НАБРОСКИ К ТЕМЕ)

Абстракт

Герой принадлежит эпическому миру. Пребывая не в эпическом, а в романном мире, герой уже не способен иметь тот «готовый» вид, который он имел тогда, когда между его внешним и внутренним не было ни малейшего зазора. В романном мире он лишается цельности, и потому уже не может быть *героическим* Героем. Родоначальником типа несостоявшегося героя в русской литературе становится Печорин. Он тот, кто будучи наделен задатками героя, в условиях «нашего времени» не может их реализовать.

В 1840-е годы рядом с нецельным героем печоринского типа начинает вести параллельное существование персонаж другой, подобно эпическому Герою, абсолютно себе тождественный, готовый, но при этом – не Герой. Родоначальником этого типа можно считать гоголевского Башмачкина. Готовность такого героя не наделяет его судьбой (как это было с Героем эпическим), а, напротив, напрочь лишает его возможности эту судьбу иметь.

Характерные особенности и перипетии протекания процессов героизации и дегероизации в литературе второй половины XIX века должны стать, согласно перспективному плану данного исследования, предметом особого внимания.

Abstract

The Hero belongs to the epic world. The existence in the novel world deprives him of the completeness which he had before when there was no gap between his inner and outer life. In the novel world he is bereft of the epic wholeness and he is not able to be the heroic Hero. The father of this kind of unrealised hero was represented in Russian literature by Pechorin. He is the one who possesses the trend of being hero but fails to realize it under conditions of “our time”.

In the 1840's side by side with Pechorin's type of a hero with the broken wholeness another kind of hero comes in parallel existence, the one who similar to the epic Hero is quite identical with himself and completed but he is not a Hero. The father of the kind can be considered Gogol's Bashmachkin. The completeness of this character does not endow him with Destiny (as in case with the epic Hero), just the opposite – it deprives him of any chance to have his own Destiny.

The subject of this envisaging further development research must become characteristic features and peripeteia of the process of heroising and deheroising in the literature of the second half of 19th century.

Ключевые слова

герой ■ эпос ■ роман ■ цельное - нецельное ■ завершенность ■ единство ■ исключительное ■ типическое время

Key words

Hero ■ heroic age ■ epic ■ novel ■ unbroken ■ articulated ■ completeness ■ singular ■ wholeness ■ typical time

Герой принадлежит эпическому миру. Мир эпопеи – место обитания героя – характеризуется М. М. Бахтиным как мир *недостигаемого героического прошлого*: «начал» и «вершин» национальной истории, отцов и родоначальников, «первых» и «лучших». ¹ В этом мире все пребывает в равной самой себе успокоенности: здесь уже все произошло, и поэтому ничего не может произойти. Такой, условно говоря, героический Герой пребывает в полном соответствии со своим миром: «Он завершен на высоком героическом уровне, но он завершен и безнадежно готов, он весь здесь, от начала до конца, он совпадает с самим собой, абсолютно равен себе самому». Будучи сплошь *завершенным* и *законченным*, он «весь сплошь овнешнен». На языке Бахтина это означает, что «между его подлинной сущностью и его внешним явлением нет ни малейшего расхождения. Все его потенции, все его возможности до конца реализованы во внешнем социальном положении, во всей его судьбе, даже в его наружности... Он стал всем, чем он мог быть, и он мог быть только тем, чем он стал»².

Отношение автора к *недостигаемому* для него героическому прошлому и героическому герою может быть только *благоговейным* отношением потомка. «И певец и слушатель, имманентные эпопее, находятся в одном времени и на одном ценностном (иерархическом) уровне, отделенном эпической дистанцией (...) Точка зрения героя на себя самого полностью совпадает с точкой зрения на него других – общества (его коллектива), певца, слушателей».³ Мир эпического героического прошлого «можно только благоговейно принимать, но к нему нельзя прикасаться, он вне района изменяющейся и переосмысливающей человеческой активности».⁴

Статуса автора-творца певец достигает только тогда, когда он (опираясь и на свой опыт, и на свой вымысел) обретает право изображать событие на одном ценностно-временном уровне с самим собой и со своими современниками. В истории культуры обретение автором таких прав знаменует, по Бахтину, совершение *радикального переворота*, а в мегаистории литературных жанров – «переход из эпического мира в мир романнный».

Пребывая не в эпическом, а в романном мире, герой уже не способен иметь тот «готовый» вид, который он имел тогда, когда между его внешним и внутренним не было ни малейшего зазора. Находясь в открытом, неуспокоенном мире настоящего, он не способен обладать былой *наивностью*⁵

¹ Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 456.

² Бахтин М. М. Там же. С. 476.

³ Бахтин М. М. Там же. С. 477.

⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман... С. 460.

⁵ *Наивность*, как считает Бахтин, представляет одну из существеннейших черт героического сознания: «Его (такого сознания. — С. С.) «наивная, уплотненная до данности нравственность: добродетели преодоления нейтрального, стихийного природного бытия (биологического самосохранения и проч.) ради бытия же, но ценностно утвержденного (бытия дружости), культурного бытия, бытия истории (застывший след смысла

(а если способен, то это – вариант князя Мышкина): в мире, подверженном раздраю, героя не может не разъесть напрочь противопоказанная наивному взгляду на мир рефлексия. Кроме того, находясь в непосредственной «близости» к своему автору (эпической дистанции теперь нет), герой становится тем самым ближе и к его не «демиургическому», а к человеческому измерению. А это означает, что он, как, к примеру, тургеневский Базаров, не может не испытывать на себе сомнений, колебаний, амбивалентных эмоций, присущих автору-человеку.

В романном мире герой уже не может быть *героическим* Героем⁶, а настоящее время – героическим, однако и то, и другое может быть подвергнуто со стороны автора *героизации*.⁷ Характерные особенности и перипетии протекания этого процесса в различных авторских вариациях должны стать, согласно перспективному плану данного исследования, предметом особого внимания.

Не менее интересная задача – рассмотрение того, как в русской литературе совершалось распадение и «перекомбинирование» героической (а вместе с ней – и жанровой) парадигмы, условно говоря, с конца XVIII века до конца XIX века. За этот период Герой проходит как бы полный круг существования, обратясь из полновесной фигуры в фикцию, для того чтобы затем – в культуре «шестидесятников» – построение героического началось на новых основаниях.

I

Печорин как «камень» и «метеор»: «генотип» Героя в гротескном отражении

Размышляя об уготованной ему судьбой участи, Печорин вспоминает об Александре Великом и лорде Байроне: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?...»⁸. Обозначенный в этой

в бытии — ценный в мире других; органический смысл роста в бытии)». См.: Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности... С. 148.

⁶ «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам (окажется в далеком образе), станет объектом памяти, а не объектом живого видения и контакта». Бахтин М. М. Эпос и роман... С. 462.

⁷ Конечно, уточняет это положение Бахтин, «и «мое время» можно воспринимать как героическое эпическое время, с точки зрения его исторического значения (не от себя, современника, а в свете будущего), а прошлое можно воспринять фамиллярно (как мое настоящее). Но тем самым мы воспринимаем не настоящее в настоящем и не прошлое в прошлом; мы **изъемлем** себя из «моего времени», из зоны его фамиллярного контакта со мной». См.: Бахтин М. М. Эпос и роман... С. 456–457.

⁸ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л, 1954–1957. Т. VI. С. 301. В дальнейшем ссылки на Лермонтова будут даваться в тексте с указанием тома и страниц в скобках.

печоринской фразе масштабный контраст (с одной стороны, – герои, имена которых вписаны в историю, с другой – *титюлярные советники*) сам по себе вполне очевиден. Однако есть в ней и элемент парадоксальности: Печорин говорит не о том, что ему, как и другим, хотелось бы **прожить** жизнь как Александр Великий или лорд Байрон, а о том, что ему хотелось бы так же, как они, ее *кончить*. Лермонтовскому персонажу, конечно, известно, что смерть того и другого была внезапной и преждевременной: Александру, готовящемуся к покорению Аравии и Северной Африки, помешала внезапная смерть от малярии; Байрона же преждевременная смерть от лихорадки настигла в тот момент, когда он готовился к осуществлению своих героических планов освобождения Эллады. Жизнь и Александра Великого, и Байрона оборвалась на взлете их жизненных устремлений, но такая ее роковая незавершенность только подчеркивает ее состоятельность и особую отмеченность судьбой в отличие от «вечно» живущих («целый век») титулярных советников.

В романтической системе координат Герой – существо, конечно, прежде всего исключительное. Но это другого рода исключительность, нежели та, которую превозносили певцы предшествующей эпохи.

Одического Героя делает ото всех отличным его исполинский, величественный, можно сказать, надчеловеческий образ. К примеру, в ломоносовской «Оде на взятие Хотина» Герой напоминает грозное языческое божество. Его появление вызывает и у природы, и у людей чувство священного ужаса. Даже и после смерти ломоносовский Герой вызывает у врагов страх и трепет.

У Державина Герой не столь грозен и кровожаден и эстетически куда более привлекателен. Он чуден и величественен, как водопад: «Великолепен, светл, прекрасен, Чудесен, силен, громок, ясен. Дивиться вкруг себя людей Всегда толпами собирает»⁹. Однако, с точки зрения Державина, истинный Герой должен быть «сколь дивен», столь и «полезен». Герои для него – «друзья человеков», они являют собой пример, образец, *зерцало* истинной добродетели: «Водопады, или сильные люди мира только тогда заслуживают истинной похвалы, когда споспешествовали благоденствию смертных»¹⁰.

Деяния героя, его слава не подвержены разрушительному времени еще и потому, что в определенном смысле они само это время и создают, точнее, обеспечивают непрерывность его течения. По мысли, заложенной в державинском «Памятнике герою», *обратности* вечной природы в мире людей соответствует *обратность* совершаемых ими деяний: «чрез них известна добродетель»¹¹. Поэтому образ державинского Водопада – это еще и эмблематическое выражение идеи подпитывающей, *напоющей* жизнь непрерывности времени.

⁹ Державин Г. Р. Сочинения. (Новая библиотека поэта) Спб., 2002. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 590.

¹¹ Там же. С. 122.

Еще один важный момент. Одический Герой всегда пребывает под Божьим патронажем. «Неверных сокрушил ты гордый рог. Но сим лишь чрез тебя казнил их Бог», – говорит Державин в оде «Победителю». Но это «чрез тебя» вовсе не означает, что Бог всего лишь использует Героя в качестве исполняющего его волю орудия. Отношения между тем и другим отмечены, можно сказать, интимной близостью: «Казнил их Бог – а ты средь бою Остался жив! – И для чего? Что возлюбил его душою; Что всю надежду на Него Не усомнился ты предположить: Тебя он предызбрал свой суд свершить»¹².

В отличие от своего одического предшественника романтический Герой не имеет дружеской связи ни с людьми, ни с небесами. Он уже не представляется, как у Державина, монументальным водопадом, который (хотя и возвышается над всем другими «объектами») имеет тем не менее такое же, как и они, земное происхождение. Романтизм рассматривает и оценивает Героя в рамках одной из базисной для его доктрины мифологии отверженности и переключает внимание с деяний героя на его имеющую особую «разметку» судьбу. Спровоцированное игрой таинственных сил появление в мире Героя так же непредсказуемо внезапно, как и исчезновение из него. Жизнь Героя отмечена не провидением, а роком. И его появление на свет, и его смерть исполнены роковой тайны: «Муж рока!.. Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог»¹³. Эмблематическим образом **судьбы** Героя для романтической эпохи стала, как известно, судьба Наполеона, образ которого привлекал к себе Лермонтова с неизменным постоянством: «Изгнанник мрачный, жертва вероломства И рока прихоти слепой, Погиб как жил – без предков и потомства – Хоть побежденный, но герой! Родился он игрой судьбы случайной, И пролетел, как буря, мимо нас; Он миру чужд был. Все в нем было тайной, День возвышенья – и паденья час!»¹⁴.

Выражению исключительности Героя (героическая топика пересекается, но не совпадает с топикой, присущей другим романтическим типажам ¹⁵) служат одновременно и пространственная метафорика, и – временная. Отчизна у такого Героя не земная, а небесная (или, лучше сказать, – неизвестно какая); время его жизни по отношению к жизни земной – мгновение. Однако близящаяся к нулевой отметке временная протяженность его жизни сторицею перекрывается степенью ее интенсивности. Она такова, что, как сказал Байрон, оставляет неизгладимый след в памяти людей, а значит и обеспечивает такому Герою бессмертие: «Пусть неизвестно, где рожден Герой-боец, но нашим взорам Его дела из тьмы времен Сияют ярким метеором. Пусть

12 Там же. С. 67.

13 Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. I. С. 104.

14 Там же. С. 194.

15 О близком к героическому «байроническом» типаже романтического героя см. работы Ю. В. Манна, а также его учебное пособие: Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М., 2001. С. 101 – 140.

время все следы сотрет Его утех, его страданья, Все ж имя славное живет И не утратит обаянья»¹⁶. Эмблема такого Героя – не грозное божество, как у Ломоносова, не водопад, как у Державина, а ярко вспыхивающий и быстро угасающий метеор. И если люди испытывают страх при появлении такого, подобного еще и «стреле громовой», Героя, то это страх совершенно другого рода: они испытывают не ужас от его надчеловеческого вида, как это было у Ломоносова; они испытывают не смешанный с восторгом трепет от его поражающего воображение величия, как это было у Державина; теперь они страшатся сопряженной с появлением такого Героя неизвестности, близости непредсказуемых перемен, грозящих разрушению старой жизни и одновременно предвещающих зарождение «жизни новой», – всего того, что им готовит самовластная судьба.

Идея Героя, как мы видим, коренным образом связана с идеей времени. Герой (будь он Героем одическим или романтическим, стоит ли он на страже времени и обеспечивает его возобновляемость или приводит его в движение и открывает перед жизнью новые горизонты) в определенном смысле пребывает вне времени (точнее сказать, его жизнь, означенная судьбой, как бы протекает в запредельном (трансцендентном) по отношению к людскому, земному времени измерении). Но именно эта несоразмерность повседневному времени и позволяет Герою оказывать на него влияние, быть его флагманом, быть его двигателем.

Итак, **быть** Героем – значит в определенном смысле находиться над временем. И наоборот: **стать** Героем – значит вырваться из размеренного течения земной жизни в измерение, отмеченное судьбой. «Я полон весь мечтами, О будущем... и дни мои толпой Однообразною проходят предо мной, И тщетно я ищу смущенными очами Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!»¹⁷. У *отмеченного судьбой* дня особая динамика: его время, как бы сжимаясь, ускоряется. И такая его «метеорная» (приводящая к быстротечному сторанию) интенсивность парадоксальным образом и является залогом его бессмертия.

Надо сказать, что быстротечность у Лермонтова, будучи свидетельством отмеченности судьбою, далеко не всегда является знаком ее расположения. *Плод до времени созрелый* (т. е. такой, который в своем развитии опередил размеренную последовательность природной жизни) так же, как «наше поколение», которое ему уподобляется, пребывает, без сомнения, под знаком гибельной судьбы. Таковой оказывается и жизнь лермонтовских трех гордых пальм («Три пальмы»). После того, как они, возроптав на Бога, обратили на себя Его взор, конец их бытия, вопреки отмеренному сроку, приблизился к ним с невероятной быстротой.

Прикосновение судьбы может привести и к бессмертию особого рода – не героическому, а такому, которое в определенном смысле хуже смерти.

¹⁶ Байрон Д. Г. Собр. Соч. В 4 -т. Т. 2. М., 1981. С. 14.

¹⁷ Лермонтов М. Ю. Указ. соч. Т. II. С. 229.

Судьба может поступить и так, как она поступила с героями лермонтовских поэм, сначала – с Азраилом, а затем и с Демоном: она, исключив их из времени вообще, обрекла обоих на мучительно-тягостную бесконечность. Печорина же (в отличие от его героических и демонических «предшественников») судьба отметила совершенно особым образом. Она не дала ему обрести такое бессмертие, какое она дала обрести Александру Македонскому и Байрону (которых она поставила над временем и предначертала им кончить жизнь «метеорным» образом), она не дала ему обрести и бессмертие Демона; с Печориным судьба обошлась иначе: она не исключила его из времени, а поместила в него. Печорин как человеческий тип принадлежит историческому времени, Печорин как Герой – времени.

Судьба Печорина складывается противоестественным для романтического Героя образом. Герой не может, как обычный человек, проживать жизнь от рождения до смерти. Между началом и концом его «метеорной» жизни – мгновение, но такое, которое перекрывает и самую продолжительную человеческую жизнь, и – жизнь целого поколения. Печорин хотел бы «кончить» свою жизнь подобно Александру Македонскому и Байрону потому, что «проживать» ее – судьба не Героя, а *вечно* «титюлярного советника». (По отношению к мимолетности жизни Героя не отмеченная судьбой жизнь титулярного советника длится вечность, в определенном смысле она бесконечна. Однако это – «дурная» бесконечность: ни начало такой жизни, ни, соответственно, ее конец не имеют никакого смысла.) Однако ему, – Герою **времени**, – как раз и суждено, подобно титулярному советнику, **проживать** жизнь.

Тем не менее Печорин, ощущая в себе силы «необъятные», «знает» о предназначавшемся ему «высоком назначении». Как это ни парадоксально, но он «знает» о своем высоком назначении потому, что «помнит» о нем. Печорин – «метеор», который, долетев до земли и став обычным камнем (вопреки предназначавшейся ему яркой небесной судьбе), не забыл о своем «метеорном» прошлом. Он матрос, который (будучи «рожденным и выросшим на палубе разбойничьего брига») теперь, оказавшись на суше, не может забыть о родной для него стихии. В конце концов, он – Герой, который, каким-то образом оказавшись выброшенным из героического, **своего**, времени, **не забыл** о своей былой ему принадлежности.

Подобно другим лермонтовским персонажам, Печорин оказывается в положении «между». Однако в отличие от них он обретается не между противоположными полюсами или стихиями (к примеру, как Демон – между небом и землей, или как утес – «двух стихий жилец угрюмый»), а между разошедшимися в нем самом по разные стороны одним и другим его «Я». Его симультанная принадлежность разным временам и есть главная причина его расколотости: одно «Я» стало принадлежностью настоящего времени, а другое сохранило свою приверженность героическому былому. Один человек в Печорине живет «полной жизнью» (= деятельной = героической); другой занят наблюдением за поведением первого (он его «мыслит» и «су-

дит»). (Ср., как у Лермонтова в «Вадиме» героический XVIII век противопоставляется нынешнему – негероическому: «...теперь жизнь молодых людей более мысль, чем действие; героев нет, а наблюдателей чересчур много, и они похожи на сладострастного старика, который, вспоминая прежние шалости и присутствуя на буйных пирах, хочет пробудить погаснувшие силы»¹⁸).

Отсюда – гротескное сосуществование в Печорине юноши и старика: «А смешно подумать, что на вид я еще мальчик: лицо хоть бледно, но еще свежо, члены гибки и стройны, густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...»¹⁹. «Первый», живущий *полной жизнью* в Печорине человек смело идет навстречу с неведомым («...я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!»²⁰; «второй» же «знает» все от начала до конца и, как Агасфер, живет с оглядкой на уже давно покинутую и развенчанную жизнь. Печоринские слова, обращенные к доктору Вернеру перед дуэлью, а значит, и возможной гибелью, содержат в себе недвусмысленный на это намек: «...первый, быть может, простится с вами и миром навеки, а второй... второй...»²¹.

Однако, будучи все же частями целого, эти (пребывающие в оксиморонных между собой отношениях) два «человека» делают поведение Печорина странным, гротескным – и с точки зрения былого, и с точки зрения настоящего. В результате, выражаясь фигурально, небесный метеор (призванный указывать человечеству новый путь, созидать новую историю) начинает вести себя как разрушительный камень (ср. печоринское самоуподобление камню в «Тамани»: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие...»²², а также косвенное – в вариантах «Княжны Мери»: «...невидимая сила кидала меня среди их надежд, намерений и связей; и все разрывалось, и все погибало от моего прикосновенья...»²³).

Печорин, генетически принадлежащий славной плеяде Героев, предстает у Лермонтова **последним** из них, тем, на кого, как и на весь мир, близящийся к концу времен²⁴, утративший смысл и цель своего существования («его грядущее иль пусто иль темно»), судьба наложила печать вырождения, или – тем, от которого она отвернулась.

18 Там же. Т. VI. С. 43.

19 Там же. С. 280.

20 Там же. С. 347.

21 Там же. С. 324.

22 Там же. С. 260.

23 Там же. С. 598.

24 Апокалиптически настроенные были нередкостью во лермонтовскую эпоху. Упаднические мотивы, к примеру, звучат в творчестве такого поэта (в чем-то Лермонтову очень близкому), как Е. А. Баратынский. Ср. «Последний поэт», «Осень» и др.

II

Титулярный советник и «целый век»

«Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем **целый век** остаются титулярными советниками?...»²⁵. Обозначенный в этой фразе знаменитого персонажа лермонтовского романа масштабный контраст (с одной стороны, **герои**, имена которых вписаны в историю, с другой, *титулярные советники*) указывает на пропасть, развернувшуюся между двумя видами существования: высоким (героическим) и низким (пошлым). Печорин хотел бы «кончить» свою жизнь подобно Александру Македонскому и Байрону (жизнь и того, и другого оборвалась, как известно, на взлете их жизненных устремлений) потому, что «проживать» ее – судьба не Героев, а тех, кому *целый век* суждено оставаться «титулярными советниками». По отношению к мимолетной («метеорной») интенсивности жизни Героя вялотекущая жизнь титулярного советника длится вечность. Но при этом, с позиции идеологии романтизма, ни начало такой не означенной судьбой жизни, ни, соответственно, ее конец не имеют никакого смысла.²⁶

Постлермонтовская эпоха, которая своей «нарративной субстанцией» делает не Героя, а именно титулярного советника, будет выстраивать ее дискурс, как бы отталкиваясь от предложенной Лермонтовым связки, рифмующей между собой эту антиромантическую фигуру с «целым веком». Появившись на свет, гоголевский Акакий Акакиевич «сделал такую гримасу, **как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник**»²⁷. «...Он был то, что называют **вечный** титулярный советник...»²⁸. Ближайший смысл этого выражения проясняют реалии российской бюрократическо-чиновничьей системы того времени. Для огромной армии чиновничества девятый класс был тем «потолочным» чином, подняться выше которого не было никакой возможности. Акакию Акакиевичу, как и другим его собратьям-титулярным советникам, было суждено **неизменно** (= вечно) оставаться в чине титулярного советника и не питать «никаких замыслов на коллежского асессора, ни надежд на прибавку жалованья»²⁹. В литературной же плоскости *вечность* титулярного советника осмысливается как следствие изначально и навсегда предопределенной ему неизменности.

В характерологическом ключе неизменность титулярного советника выражается, к примеру, в его устойчивой склонности к пьянству. На вопрос Арины Пантелеймоновны из гоголевской «Женитьбы», не любит ли пред-

²⁵ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1956. Т. VI. С. 301.

²⁶ Подробнее об этом см.: Савинков С. В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004. С. 204–218.

²⁷ Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. III. С. 142.

²⁸ Там же. С. 141.

²⁹ Там же. С. 446.

полагаемый кандидат в женихи выпить, Фекла простодушно отвечает: «А пьет, не прекословлю, пьет. Что ж делать, уж он титулярный советник»³⁰. Так или иначе, мотив пьянства будет достаточно регулярно сопровождать титулярных советников и достигнет своего апогейного выражения в образе Мармеладова у Достоевского. Склонность к пьянству станет не просто его характерологической чертой, она станет *чертой*, фатально предопределяющей его **виновное** (вина и вино оказываются в нераздельном сопряжении) существование: «...и опять потерял (место на службе. – С. С.). Понимаете-с? Тут уже по собственной вине потерял, ибо **черта моя наступила...**»³¹.

Неизменность титулярного советника проявляется не только в социальном, характерологическом, но и в метафизическом плане.

Вечно то, что неизменно, а неизменно то, что всегда, как какой-нибудь камень, имеет абсолютное равенство с самим собой. Гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин именно такое – *готовое* – существо. «Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже **совершенно готовым**, в вицмундире и с лысиной на голове».³² *Готовое* существо не может осмысливаться в категориях изменения, становления, роста. Оно вечно, потому что безначально и бесконечно. Оно живет и сейчас, *жило и прежде*. И это про себя знает герой «Двойника». На «протокольный» вопрос доктора о том, живет ли господин Голядкин там же, где жил прежде, последует такой двусмысленно-недвусмысленный ответ: «**Жил**, Крестьян Иванович, **жил, жил и прежде. Как же не жить!**»³³ То, что было, и то, что будет, для готового существа, есть принадлежность исключительно, по слову Л. Бинсвангера, «голового» (т. е. не включенного в связи и отношения) неизменного настоящего³⁴. То, что не прикреплено к жизни, не может состоять с ней в действительных и действенных отношениях. Физическая ущербность Акакия Акакиевича (низкорослость, геморроидальность) – признак его нежизнеспособности. То, что способно к развитию и росту, будучи включенным в жизненную систему, обладает и возможностью быть включенным в причинно-следственную связь, а значит – быть причастным к событийности. Судьба титулярного советника – судьбы не иметь. Быть причастным к жизни – значит иметь возможность быть для кого-то *дорогим*, т. е., согласно словарю Даля, – *желанным, уважаемым, любезным*. «Исчезло и скрылось существо никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...»³⁵.

³⁰ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 3. С. 308.

³¹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 5. С. 20.

³² Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. III. С. 143.

³³ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 1. С. 226.

³⁴ Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999. С. 164 и др.

³⁵ Гоголь Н. В. Указ соч. Т. III. С. 169.

Появление в середине 40-х годов на литературной сцене такого – «готового» – персонажа не было случайностью. Это обстоятельство знаменовало смену «героической» парадигмы: *готовый* персонаж сменил, по словам видного критика того времени, героя «...с развитой мыслью, но с неопределенной волей и ничтожным характером, с громкими задачами для жизни и большими требованиями от нее, но с бессилием к исполнению самой малой доли житейских обязанностей»³⁶, т. е. героя, по слову Герцена, себе самому «неконсеквентного». Так что возникновение автоидентичного персонажа было подготовлено и логикой самой литературы, которая на новом витке своего развития вновь обратилась к идее готовности.

Так же, как и его эпический предшественник, новый герой предстал всецело завершенным и безнадежно готовым. Однако теперь такая идентичность знаменовала отнюдь не героическую исключительность. И если «неконсеквентный» себе самому герой печоринско-бельтовского склада терзался невозможностью **стать** другим (т. е. **измениться** таким образом, чтобы стать самотождественным и цельным), то пребывающий в состоянии *готовности* титулярный советник стал одержим идеей совсем иного рода – не **стать** другим (*готовое* не способно к имманентному развитию по определению), а **стать другим существом**. И это равносильно тому, как если бы какое-нибудь насекомое вознамерилось перескочить через отведенный ему природой видовой барьер и стать, к примеру, слоном.

Справедливости ради следует сказать, что у Гоголя есть и иное – позитивное – понимание того, что значит быть изначально *готовым*. «Вы родились на свет уже почти с **готовою** душою. Ни бурь, ни сердечных волнений, ни сокрушительного мятежа страстей вы не знаете, вы светло и безмятежно переплывете земное поприще и тихо пристанете к небесному пристанищу»³⁷. «Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже **готовыми** и обделанными»³⁸. В этой перспективе *родиться готовым* – значит занимать наиболее высокую позицию в человеческой иерархии, значит быть застрахованным от испытания временем и как бы изначально обладать «пропуском» в жизнь вечную. И такая семантика готовности тоже, что не раз отмечалось, актуализируется в «Шинели». Аскетический образ жизни Акакия Акакиевича Башмачкина, его самоотверженная преданность делу переписывания, безусловно, чем-то сродни тем качествам, которые были присущи религиозным подвижникам – служителям библейским букве и слову писцам-монахам. И с этих позиций быть титулярным («в звании, но не в чине») – значит обладать достоинством, так сказать, в **чистом** виде, т. е. таким, которое недоступно ничему тому, что наносится «мирской» жизнью.

³⁶ Анненков П. В. О мысли в произведениях изящной словесности // Русская критика и эстетика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 330.

³⁷ Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. XII. С. 241.

³⁸ Там же. С. 93.

В литературной истории титулярного советника наступит такое время, которое актуализирует и выдвинет на первый план именно это значение готовности. Чеховской *попрыгунье*, жене титулярного советника Дымова (о котором будет сказано: «добрая, чистая, любящая душа – не человек, а **стекло**»³⁹), суждено будет сделать запоздалое и роковое для нее открытие. Ее муж, титулярный советник Дымов, казавшийся и ей самой, и ее артистическому окружению «чужим, лишним и маленьким», *ни для кого не интересным* и даже несуществующим («В самом деле: что **Дымов?** почему Дымов? какое ей дело до Дымова? Да существует ли он в природе и не сон ли он только?»⁴⁰) в «момент истины» предстанет действительно замечательным и по-настоящему великим: «... и вдруг поняла, что это был в самом деле необыкновенный, редкий и, в сравнении с теми, кого она знала, **великий человек**»⁴¹. Великое дело самоотверженного служения науке и людям предаст титулярному советнику Дымову богатырские черты: он был «высок ростом и широк в плечах». При этом, однако, заметим, что Дымов, так же, как и Башмачкин, выбивается из трудовой жизненной колеи «подругой жизни»: Башмачкин во всем себя ограничивал и отвлекался от труда ради шинели, Дымов – ради «тряпок» для своей молодой жены: «молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлые тряпки!»⁴². Происходит невообразимое: титулярный советник смещается с литературной периферии к центру и, занимая место Героя, обретает его судьбу. Дымов, «молчаливое, безропотное, непонятное существо, обезличенное своею кротостью, бесхарактерное, слабое от излишней доброты»⁴³, подобно Байрону и Александру Македонскому, умирает героической, **преждевременной**, смертью.

39 Чехов А. П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 5. С. 72.

40 Там же. С. 58.

41 Там же. С. 73.

42 Там же. С. 72.

43 Там же. С. 70.